

ДВОЙНОЙ ПЕРЕЛОМ

ИННА ПРОСКУРЯК

СЕРИЯ «ДЕЛА МЕТРОСТРОЕВА»

18+

Инна Проскуряк

Двойной перелом

<https://litres.ru/74014263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майор уголовного розыска Иван Метростроев поднимает старое дело. Полтора года назад в съёмной квартире на окраине Омска убили женщину. Следствие зашло в тупик, отработав три тысячи подозреваемых. Но одна улика осталась незамеченной: дешёвые настенные часы, которые остановились в момент убийства. Кто-то перевёл стрелки, чтобы запутать следствие. Убийца знал механизм — но не учёл одной секунды. Иван начинает распутывать клубок лжи, который ведёт в закрытый мир одержимых временем. Часы тикают. Обратный отсчёт запущен.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Инна Проскуряк

Двойной перелом

Пролог

Тело нашли на третьи сутки. Соседи снизу жаловались на воду — пятно расплзлось по потолку в ванной, жёлтое, с ржавым ободком. Участковый вскрыл дверь, вошёл и сразу вышел. Дальше работали мы.

Съёмная двушка на пятом этаже, хрущёвка в Амуре. Район тихий, пенсионерский. Окна во двор, тополя, старая детская площадка с покосившимся грибком. В такой квартире не убивают — в такой доживают.

Женщина лежала в коридоре, лицом вниз. Руки вдоль тела, поза неестественная — её перетаскивали. Удар по затылку, тупой предмет. Смерть наступила быстро. Ни следов взлома, ни борьбы. Дверь закрыта на ключ снаружи.

Звали её Соболева Тамара Викторовна. Сорок четыре года. Работала диспетчером в службе такси «Омск-Восток». Снимала квартиру полтора года, платила аккуратно, с сосе-

дями не общалась. Ни мужа, ни детей, ни родственников в городе. Пустой человек, сказал следователь, закрывая папку через месяц.

Дело легло на полку.

Я поднял его через полтора года. Отдел нераскрытых — это кладбище ошибок. Чужих и своих. Я перебирал старые папки, когда наткнулся на опись вещдоков из квартиры Соболевой. Обычный список — одежда, дешёвый телефон, ключи, бижутерия. И одна деталь, которую первый следователь отметил, но не разработал.

На правой руке жертвы, на безымянном пальце, было кольцо. Серебро с гравировкой. На внутренней стороне — восемь цифр. Не дата, не телефон. Шифр.

Эксперт написал в заключении: «Гравировка выполнена на заказ, предположительно в частной мастерской. Значение цифр установить не удалось».

И всё. Никто не копнул. Никто не спросил: зачем одинокой женщине без связей и без прошлого кольцо с шифром, который она не могла прочесть?

Я запросил материалы. Поднял протоколы допросов —

три тысячи человек, стандартный веерный обзвон таксистов, клиентов, соседей. Пусто. Дело застряло на первом же круге.

Тогда я поехал в Амур. Квартира всё ещё сдавалась — хозяин не смог продать после такого. Ключи лежали в участке. Я вошёл.

Запах сырости, старая мебель, выцветшие обои. В коридоре — тёмное пятно на линолеуме, которое так и не отмыли. Тишина. Тополя за окном качались, тени ползли по стенам.

Я прошёл в комнату. Пусто. Только гвоздь в стене, на котором ничего не висело.

В описи значились настенные часы. Дешёвые, японские, в пластмассовом корпусе. Их сняли с гвоздя и упаковали как вещдок. Эксперт написал: «Механизм повреждён. Стрелки остановлены. Время на циферблате не совпадает с предполагаемым временем смерти».

Я вытащил телефон, набрал Серёжу Гордеева.

— Подними вещдоки по делу Соболевой. Там часы. Я хочу отдельную экспертизу по механизму.

— Что ищем?

— То, чего там быть не должно.

В трубке помолчали.

— Вань, дело полтора года висит. Кто даст добро на экспертизу?

— Я дам. Скажешь — Метростроев запросил. Пусть отказывают письменно.

Я сбросил. Ещё раз обвёл глазами пустую квартиру. Гвоздь в стене, пятно на полу, тишина.

Часы остановились не от удара. Кто-то перевёл стрелки вручную. Убийца знал, что механизм сломается, и хотел запутать следствие.

Но он не знал одного: дешёвые японские часы ломаются иначе, если их уронить.

Разница — секунда. Или полторы.

Достаточно, чтобы понять: в этой квартире работал не просто убийца. Работал инженер.

Глава 1

Часы лежали в пластиковом пакете с биркой. Хранилище вещдоков — подвал Управления, запах пыли и старой бумаги, люминесцентные лампы моргали через одну. Кладовщик, пожилой прапорщик с лицом человека, который давно не удивляется, долго перебирал стеллажи, прежде чем вытащить коробку.

— Дело Соболевой, — сказал он, сверяясь с биркой. — Полтора года, а уже архив. Быстро у вас.

— У нас? — я расписался в журнале.

— У вас, следаков. Раньше такие дела годами в работе висели. А теперь — месяц, и на полку. Некому ворошить.

Я не ответил. Забрал пакет, сунул в портфель.

На улице моросил дождь. Омск в октябре — серое небо, серый асфальт, люди без зонтов, привыкшие. Я сел в машину, включил печку. Часы положил на пассажирское сиденье.

Пластмассовый корпус, белый циферблат, чёрные стрел-

ки. Дешёвка, такие в девяностые продавались в каждом ларьке. Задняя крышка крепилась на четырёх шурупах — один отсутствовал. Я перевернул часы. На крышке царапина, свежая, металл блестел. Кто-то вскрывал. Не эксперт — эксперт работает аккуратно. Значит, убийца.

Я достал телефон.

— Серёжа, нужен часовщик. Не эксперт-криминалист, а именно мастер. Кто-то, кто понимает, как ломаются дешёвые механизмы.

— Есть один, — Гордеев помолчал, я услышал, как он стучит по клавиатуре. — Дед на Ленинградской, частная мастерская. Работает с советских времён. Говорят, золотые руки.

— Беру.

— Погоди. Что ты хочешь там найти?

— Не хочу гадать. Скажу, когда увижу.

Я сбросил и выехал со стоянки.

Мастерская на Ленинградской пахла маслом и старым де-

ревом. Узкая комната, заставленная коробками с запчастями, на стенах — часы всех мастей: ходики, будильники, настенные, наручные. Тиканье шло со всех сторон, неровное, разнокалиберное.

Мастер сидел за верстаком у окна. Лет семьдесят, лысый, в очках с толстыми линзами, пальцы в микроцарапинах. Он не обернулся, когда я вошёл.

— Закрыто. Завтра с десяти.

— Я по делу. Не заказчик.

Он повернулся, оглядел меня поверх очков.

— Полиция. Часы.

— Уголовный розыск. — Я положил пакет на верстак. — Мне нужно понять, как сломаны и почему.

Старик взял пакет, повертел. Не вскрывая, посмотрел на часы через пластик.

— «Сейко», японская копия. Китай, начало девяностых. Механизм кварцевый, слабый. Если уронить — ломается шестерня секундной стрелки. Она самая хрупкая.

— А если не ронять?

Он поднял бровь. Достал часы из пакета, перевернул. Провёл пальцем по царапине на задней крышке.

— Отвёрткой вскрывали. Неумело. Шлиц сорван. — Он взял лупу, наклонился ближе. — А вот здесь интересно.

Я ждал.

— Кто-то переводил стрелки вручную. Видите? — он показал на ось. — Микроцарапина. Если стрелки крутили, когда механизм был повреждён, остаётся след. Тот, кто это делал, не знал, что часы уже не работают.

— То есть он перевёл их после удара?

— После. — Мастер отложил лупу. — Но зачем? Часы остановились при падении. Время на циферблате — 14:15. Если удар был в момент убийства, допустим, в 15:30, то после падения они бы показывали 15:30. Но здесь 14:15. Разница — час пятнадцать. Кто-то перевёл стрелки назад.

— Чтобы запутать следствие.

— Возможно. — Мастер пожал плечами. — Только он не учёл одного. Эти часы ломаются по-разному. Если уронить плашмя — трескается корпус, механизм цел. Если уронить под углом — ломается шестерня, но баланс сохраняется. А здесь — удар был сверху, строго вертикально. И механизм повело так, что секундная стрелка застряла на отметке «37», а минутная — между «15» и «16». Это значит, что часы упали ровно в 15:30.

Я молчал. Мастер продолжил:

— Но убийца перевёл минутную стрелку на «15», а часовую — на «2». Он думал, что так правдоподобнее. Время смерти — между двумя и тремя дня. Только он ошибся на секунду. Секундная стрелка осталась на «37», а при настоящем падении она стояла бы на «22». Он не мог её передвинуть — она слишком маленькая и её заклинило.

Он замолчал. Тиканье чужих часов заполнило комнату.

— Вывод? — спросил я.

— Убийца — не часовщик. Но он разбирался в механике. Он знал, как вскрыть корпус и как перевести стрелки. Он был аккуратен, но неопытен в работе с часами. Инженер, возможно. Или техник. Кто-то, кто привык работать руками

и головой, но не с мелкими деталями.

Я достал диктофон, включил запись.

— Продиктуйте всё это официально. Для экспертизы.

Мастер кивнул. Пока он говорил, я смотрел на часы. Они лежали на верстаке, стрелки замерли, циферблат потемнел от времени. Полтора года назад они тикали в пустой квартире, а потом упали — вместе с телом или чуть позже. И убийца, стоя над трупом, переводил стрелки назад, чтобы выиграть себе час пятнадцать.

Он знал, что делает.

Но не знал, что одна секунда расскажет о нём больше, чем три тысячи допросов.

Вечером я сидел на кухне. Вероника мыла посуду, Алиса в комнате делала уроки, Уголёк спал под столом. Обычный шум — вода из крана, карандаш по бумаге, собачье сопение.

— Ты опять не спишь, — сказала Вероника, не оборачиваясь.

— Сплю.

— Врёшь. Я видела, ты в четыре утра на кухне сидел.

Я промолчал. Она вытерла руки полотенцем, села напротив.

— Старое дело?

— Полтора года. Женщина в Амуре.

— Шансы?

— Теперь есть. — Я достал диктофон, покрутил в руках.

— Убийца ошибся. Он слишком много думал.

— Это плохо?

— Это значит, он не импульсивный. Он планировал. И если он планировал одно убийство, мог планировать и другие.

Вероника посмотрела на меня долгим взглядом. Ничего не сказала. Встала, включила чайник.

Алиса позвала из комнаты:

— Пап Ваня, поможешь с математикой?

— Иду, — я поднялся.

Уголёк приоткрыл один глаз, вильнул хвостом и снова заснул.

Утром я вызвал Серёжу в отдел. Он пришёл с папкой, невыспавшийся, но собранный.

— Я поднял протоколы. Три тысячи допросов. Из них тысяча четырёхста — таксисты. Остальные — клиенты, соседи, знакомые.

— Кого не опрашивали?

— В том-то и дело. — Серёжа разложил бумаги на столе. — Там есть пробел. Три человека, которых вызывали, но не допросили. Все трое — сотрудники сервисной службы таксопарка. Механики и диспетчеры. Следователь посчитал, что они не контактировали с жертвой напрямую.

Я взял список. Три фамилии. Одна зачеркнута — человек уволился через месяц после убийства и уехал из города.

— Найди мне его, — сказал я. — Остальных я опрошу сам.

— Думаешь, часовщик среди них?

— Думаю, пора узнать, кто из них разбирается в механике.

Глава 2

Таксопарк «Омск-Восток» располагался в промзоне за железной дорогой. Два ангара из гофрированного металла, диспетчерская в пристройке, запах солярки и нагретого асфальта. Над въездом — выцветший баннер: «Безопасность. Скорость. Комфорт». Буква «о» в слове «комфорт» отклеилась и свисала языком.

Я приехал без звонка. Не люблю предупреждать — меньше времени подготовиться.

Диспетчерская встретила гулом голосов и сигаретным дымом. Три женщины в наушниках, перед каждой — монитор с картой города. Одна подняла глаза, оглядела меня, взгляд зацепился за удостоверение.

— Майор Метростроев. Мне нужен ваш старший механик.

— Борисыч? — она переглянулась с коллегами. — В боксе, третья яма. Только он занят.

— Я подожду.

Бокс пах железом и отработанным маслом. На третьей яме стоял старый «рено» с поднятым капотом. Из-под днища торчали ноги в кирзовых сапогах, слышался стук металла. Я сел на скамейку у стены, достал телефон, сделал вид, что просматриваю почту. Сам наблюдал.

Ноги под машиной замерли. Через пару секунд из ямы выбрался мужчина. Лет шестьдесят, сухой, жилистый, седой ёжик, руки в машинном масле до локтей. Он вытер ладони ветошью, посмотрел на меня спокойно, без суеты.

— По душу?

— По делу, — я встал, показал удостоверение. — Иван Сергеевич. Тамару Соболеву помните?

Он кивнул. Без паузы, без дрожи. Либо не виноват, либо хорошо держится.

— Помню. Диспетчер. Тихая женщина. Когда узнал — не поверил. Кому она мешала?

— Пока выясняем. Вы — Корнеев Виктор Борисович?

— Он самый. Старший механик. Работаю здесь двена-

дцать лет.

— До этого?

— Завод имени Баранова. Слесарем-сборщиком.

Я сделал пометку в блокноте. Завод Баранова — оборонка, точная механика. Двадцать лет стажа. Человек, который умеет работать руками и понимает, как устроены механизмы.

— Что именно собирали?

— Приборы. Измерительные. Допуски — микроны.

— С часами работали?

Он усмехнулся. Впервые за разговор.

— Часы — это не микроны. Часы — это грубая механика. Я с приборами работал, которые спутники в орбиту выводили. А часы... — он кивнул на стену, где висел старый плакат с разобранным двигателем. — Часы я только свои чиню. По привычке.

— Свои — это какие?

— «Победа». Ещё отцовские. Идут до сих пор.

Я убрал блокнот. Спросил в лоб:

— Где вы были пятнадцатого апреля полтора года назад, между тремя и пятью дня?

Он не удивился. Подумал, почесал переносицу.

— Здесь. У меня смена с восьми до восьми. Можете журнал поднять, я каждую машину расписываю. В тот день три «киа» из рейса вышли, коробки летели. Я их до ночи перебирал.

— Кто подтвердит?

— Сменщик мой, Сашка Губин. Диспетчеры. Водители, которые машин ждали.

Я кивнул. Алиби плотное. Слишком плотное. Если он убийца, то подготовился. Если нет — просто повезло.

— Ещё вопрос. Вы знаете кого-то, кто разбирается в часах? Из сотрудников или знакомых?

Корнеев задумался. Впервые за разговор он замешкался.

— Из сотрудников — вряд ли. У нас народ простой. А вот был один... — он осёкся.

— Был?

— Да нет, ерунда. Клиент. Постоянный. Возили его часто, я с ним пару раз пересекался на мойке. Он часовщик. Или ювелир. Не помню точно. С ним ещё Тамара работала, она ему машину заказывала.

— Фамилия? Имя?

— Не помню. — Корнеев покачал головой. — Давно не видел. Может, год уже, как пропал.

— Постарайтесь вспомнить. Это важно.

Он пообещал. Я оставил визитку и вышел на воздух.

Второй по списку — Губин Александр Петрович, тридцать два года, сменщик Корнеева. Я нашёл его в том же боксе, он домкратил «тойоту» у четвёртой ямы. Молодой, потный, с прыгающим взглядом.

Разговор вышел коротким. Алиби Корнеева он подтвердил: да, Борисыч весь день был в боксе, вместе коробки перебирали, ушли затемно. Никаких подозрительных отлучек.

— А часовщик? — спросил я. — Клиент, который с Тamarой работал?

Губин пожал плечами.

— Не слышал. Я с клиентами не общаюсь. Моё дело — железо.

Третьего в списке — уволившегося — звали Федотов Роман Витальевич. По данным Серёжи, он уехал в Новосибирск через месяц после убийства. Адрес не оставил, телефон сменил. Чисто.

Я вернулся в отдел. Серёжа уже ждал с распечаткой.

— Корнеев, — сказал я. — Двадцать лет на оборонке. Точная механика. Умные руки. Алиби подтверждается, но слишком хорошее. Проверь его финансы за последние два года. И найди клиента-часовщика, которого возила Соболева. Должен быть в журнале заказов.

— Думаешь, Корнеев?

— Не знаю. Но если он убийца, он не ошибся бы с секундной стрелкой. Он слишком опытен. А вот если он покрывает кого-то...

Серёжа кивнул и ушёл к себе. Я сел за стол, открыл папку с делом. Три тысячи допросов. И ни одного — с часовщиком.

Вечером я позвонил Лаврентьеву в Москву. Он взял после третьего гудка, голос сонный.

— Юрий, мне нужна информация по заводу Баранова. Личные дела сотрудников, уволившихся за последние десять лет.

— Завод закрытый. Просто так не дадут.

— А ты попроси красиво.

Он хмыкнул.

— Что ищем?

— Часовщика. Или человека, который умеет работать с механизмами и не боится крови.

— Добро. Сделаю.

Я положил трубку. За окном темнело, город зажигал огни. Где-то в этом городе человек, убивший Тамару Соболеву, лёг спать, уверенный, что дело мёртвое. Он не знал, что одна секунда на циферблате дешёвых японских часов уже начала обратный отсчёт.

Глава 3

Журнал заказов таксопарка «Омск-Восток» вёл учёт всего, кроме того, что мне было нужно. Имена клиентов записывали редко, в основном — адреса и телефоны. Диспетчеры не утруждались подробностями, им хватало номера.

Соболева вела свои заказы аккуратнее. Я пролистал её смены за два месяца до смерти. Сто сорок четыре вызова. Из них двенадцать — постоянный клиент. Один и тот же номер, один и тот же адрес подачи, разные точки назначения. В графе «имя» — прочерк.

— Она знала его, — сказал я Серёже. — Постоянных клиентов диспетчеры обычно запоминают. Тем более если он часовщик или ювелир. Но имени нет.

— Может, специально не вписывала? — Серёжа отхлебнул остывший кофе. — Если он просил не светить.

— Или она сама не хотела, чтобы кто-то знал.

Я выписал номер. Обычный городской, оператор «Tele2». Сейчас не обслуживается, абонент отключён год назад. Но

это ничего не значит. У «Ауры» свои методы.

Дома я открыл ноутбук. Экран замигал, пошли строки загрузки. Я ждал, глядя в окно. Октябрьский вечер висел над городом серым полотном, дождь зарядил снова.

— Капитан, — «Аура» вышла в текстовый режим. — Жду задачу.

Я продиктовал номер. Сухо, без пояснений. «Аура» не нуждалась в контексте, она работала с фактами.

— Номер зарегистрирован на Ветрова Сергея Игоревича, 1982 года рождения. Прописка: Омская область, посёлок Кормиловка. Водительские права не выдавались. Налоговых отчислений нет. На учёте в психоневрологическом диспансере не состоит. Судимость: статья 158, часть 2, три года условно, 2009.

— Жив?

— По базам ЗАГС — жив. По базе оператора — номер отключён четырнадцать месяцев назад. Последний звонок совершён за два дня до смерти Соболевой.

— Кому?

— Номер, зарегистрированный на Соболеву Тамару Викторовну.

Я откинулся на спинку стула. В комнате тихо гудел кулер ноутбука, «Аура» ждала, курсор мигал.

— Дай геометки вызовов за последний месяц перед отключением.

— Данных мало. Телефон использовался эпизодически. Три геометки за месяц: две — центр города, одна — частный сектор, улица 2-я Кольцевая, дом не установлен. Координаты ведут на пустырь между строениями.

— Что ещё по Ветрову?

— Последняя активность в соцсетях — два года назад. Страница заброшена. Фотографий нет. Список друзей пуст.

«Аура» замолчала. Я закрыл ноутбук. Ветров — подставное лицо. Бомж, алкаш, человек без прошлого, на которого оформили симку. Тот, кто звонил Соболевой, не хотел, чтобы его нашли.

Но он оставил геометку.

Утром я выехал на 2-ю Кольцевую. Частный сектор на окраине, старая застройка, дома вперемежку с пустырями. Улица упиралась в заброшенный гаражный кооператив. Координаты, которые дала «Аура», указывали на участок между двумя рядами гаражей — бетонные коробки с ржавыми воротами, граффити, битое стекло под ногами.

Я вышел из машины. Тишина. Только где-то далеко лаяла собака.

Место было глухое. Идеальное для встречи, которую не хотят афишировать. Или для того, чтобы спрятать то, что не должны найти.

Я обошёл гаражи. Ничего — мусор, трава, пара покрышек. У крайнего гаража, дальнего от дороги, ворота были приоткрыты. Я потянул створку. Внутри темно, пахнет сыростью и ржавчиной. В углу — старый верстак. На верстаке — лампа, тиски, коробка из-под обуви.

Я открыл коробку. Инструменты. Маленькие отвёртки, пинцеты, лупа. И несколько старых часовых механизмов в пластиковых пакетах. Не коллекция — запчасти.

Часовщик-любитель. Или убийца, который учился рабо-

тать с мелкими деталями.

Я сфотографировал верстак, коробку, каждый пакет. Снял отпечатки с тисков и дверной ручки портативным сканером. Убрал коробку в багажник как вещдок. Позвонил Серёже.

— 2-я Кольцевая, гаражный кооператив. Тут мастерская. Часовые механизмы, инструменты. Пришли экспертов, пусть пройдутся по биологии. И подними владельца гаража.

— Думаешь, это он?

— Думаю, он перестал пользоваться гаражом, когда Соболева умерла. И телефон выключил тогда же.

— Логично.

— Слишком логично. — Я сел в машину. — Убийца, который продумал ложную улику, не стал бы оставлять такую прямую зацепку.

— Тогда зачем ты там?

— Чтобы понять, что он хочет, чтобы мы нашли.

Я завёл двигатель. Дождь усилился, капли барабанили по крыше. Я смотрел на гаражный кооператив через лобовое стекло и думал о человеке, который сидел здесь в темноте и перебирал часовые механизмы. Он знал, что однажды сюда придут. Знал — и оставил коробку.

Послание? Приглашение? Или следующий ложный круг?

Дома меня ждал ужин. Вероника приготовила борщ, Алиса нарисовала что-то в альбоме. Уголёк спал на коврик у двери.

— Дело движется? — спросила Вероника, когда я сел за стол.

— Движется.

— В нужную сторону?

— Пока не знаю.

Она больше не спрашивала. Мы ели молча. Алиса показывала рисунок — дом, дерево, собака, три человеческие фигуры. Одна — в чёрной куртке.

— Это ты, пап Ваня.

— Похож.

— Только ты без лица.

Я посмотрел на рисунок. Чёрная фигура, действительно без лица. Просто силуэт.

— Потому что ты всегда уходишь, — сказала Алиса и закрыла альбом.

Вероника встретила со мной взглядом. Ничего не сказала. Я доел борщ и пошёл мыть посуду.

Глава 4

Кормиловка встретила меня пыльной грунтовкой и запахом навоза. Посёлок в семидесяти километрах от Омска, полторы тысячи дворов, церковь, школа, магазин «Сельпо» с облупившейся вывеской. Небо над посёлком висело низкое, серое, обещало дождь.

Дом Ветрова я нашёл сразу — крайний на улице Заречной. Pokосившийся забор, двор, заросший бурьяном, старая «Нива» без колёс на кирпичках. Калитка болталась на одной петле. Я постучал, не дождался ответа, вошёл.

Хозяин сидел на крыльце в растянутом трико и драной футболке. Лет сорок на вид, на деле — тридцать пять. Одутловатое лицо, мутные глаза, седая щетина. Он курил, стряхивая пепел в консервную банку.

— Ветров Сергей Игоревич?

— Ну. — Он поднял глаза, оглядел меня без интереса. — Чего надо?

Я показал удостоверение. Он не шелохнулся.

— Уголовный розыск. Вопросы по телефонному номеру.

— Нет у меня телефона. Украли.

— Когда?

— Да года полтора назад. Может, два. В Омске ещё был. На вокзале, пока спал, вытащили. Вместе с деньгами и паспортом.

Я сел рядом на крыльцо. Ветров не врал — слишком равнодушен для вранья. Такой не станет покрывать убийцу. Такой вообще никого не станет покрывать, потому что ему всё равно.

— Паспорт восстановили?

— А толку? Всё равно на работу не берут. Я тут по хозяйству, сеструхе помогаю. Она в школе уборщицей.

— Кто мог пользоваться вашим номером?

Он пожал плечами, затушил окурок о банку.

— Да кто угодно. Симка была левая, без паспорта. Такие

в ларьках продают.

— Зачем покупали левую?

— А вы как думаете? — Он усмехнулся, показав жёлтые зубы. — Чтобы не светиться.

Я поднялся. Осмотрел двор. На верёвке висело бельё, под навесом — поленница дров, топор, вбитый в чурбак. Ветров сидел неподвижно, глядя куда-то в огород.

— Если вспомните что-то ещё — позвоните.

— Не вспомню. Я вообще ничего не помню. — Он достал новую сигарету, прикурил. — Счастливо, начальник.

Я вышел за калитку. В кармане завибрировал телефон — Серёжа.

— Владелец гаража — Шепелев Антон Владимирович, — сказал он без предисловий. — Шестьдесят два года. Пенсионер МВД, бывший участковый. В гаражном кооперативе не появлялся больше года. Говорит, сдавал гараж в аренду за наличные.

— Кому?

— Не помнит. Без договора, по рукам. Но описал арендатора: мужчина лет сорока, вежливый, в очках. Оплатил три месяца вперёд и пропал.

— Приметы?

— Только очки и вежливость. Больше ничего.

— Мало.

— Это не всё. — Серёжа помолчал. — Я поднял твой список таксопарка. Третий фигурант, Федотов Роман Витальевич, который уволился и уехал в Новосибирск.

— Что с ним?

— Он не в Новосибирске. Он здесь.

Я остановился у машины.

— Где?

— Снял квартиру на Левобережье три месяца назад. Адрес уже скинул. Вань, он работал в таксопарке электриком. Не механиком, а именно электриком. Тонкая работа, схемы,

контакты.

Я сел за руль. Электрик. Не часовщик, но близко. Человек, который понимает, как работают механизмы. Который уволился через месяц после убийства. Который исчез и вернулся.

— Адрес проверю сегодня. Пришли.

— Будь осторожен.

— Всегда.

Я сбросил. Завёл двигатель, выехал с грунтовки на трасу. Ветров остался позади — мёртвая ветка расследования, подставное лицо, пустышка. Настоящий след вёл в другом направлении.

До Левобережья я добрался за сорок минут. Квартиру Федотов снимал в новой многоэтажке на Волгоградской. Домофон, консьерж, камеры — не та обстановка, которую ожидаешь от электрика таксопарка. Я набрал номер квартиры. Не ответили.

— Кого ищете? — консьержка, женщина лет пятидесяти, выглянула из своей будки.

Я показал удостоверение.

— Жилец из сорок второй. Давно проживает?

— Три месяца. А что случилось?

— Плановый опрос. Он дома?

— На работе, наверное. Он днём всегда на работе.

— Где работает?

Она пожала плечами.

— Не говорил. Тихий такой, вежливый. Всегда здоровается.

Вежливый. В очках. Я достал телефон, нашёл старое фото Федотова из личного дела таксопарка. Размытое, на документы. Но очки видны.

— Он?

Консьержка прищурилась.

— Похож. Только здесь помоложе. А сейчас он с бородой.

Борода. Очки. Вежливость. Три месяца назад вернулся в Омск. Примерно в то же время, когда я поднял дело Соболевой.

Совпадение?

Я не верил в совпадения.

Вечером я сидел в машине напротив подъезда Федотова. Свет в окнах сорок второй не загорался. Консьержка сказала — вернётся к восьми. На часах было половина девятого.

Дождь прекратился, но небо оставалось тяжёлым. Я включил печку, откинулся на спинку и стал ждать.

Ждать я умел.

Глава 5

Он появился в начале десятого. Шёл не спеша, руки в карманах лёгкой куртки, на плече — спортивная сумка. Борода, очки в тонкой оправе, аккуратная стрижка. Не похож на электрика таксопарка. Скорее — на преподавателя провинциального вуза.

Я вышел из машины, перекрыл дорогу к подъезду. Он остановился, снял очки, протёр стёкла краем куртки. Движения спокойные, без суеты. Либо не понял, кто перед ним, либо ждал.

— Федотов Роман Витальевич?

— Допустим. — Он водрузил очки на место. — А вы?

Я показал удостоверение. Он посмотрел, кивнул. Ни один мускул на лице не дрогнул.

— Майор Метростроев. Уголовный розыск.

— Я понял. — Он переложил сумку с плеча на плечо. — Давно ждёте?

— Час сорок.

— Простите, задержался. Работа.

— Пройдёмте в машину. Или в квартиру.

— Давайте в машину. В квартире беспорядок.

Мы сели в мой автомобиль. Я не заводил двигатель, не включал свет в салоне. Только уличный фонарь бил через лобовое стекло, разрезая темноту жёлтой полосой. Федотов сидел прямо, сумку положил на колени, руки сверху. Жест открытый, но контролируемый.

— Вы знали Тамару Соболеву, — сказал я.

— Знал. Работали вместе.

— Почему уволились через месяц после её смерти?

Он помолчал. Пальцы чуть сжали ручку сумки.

— Потому что боялся.

— Кого?

— Того же, кого и она.

Я повернулся к нему. Лицо Федотова оставалось спокойным, но глаза за стёклами очков смотрели напряжённо.

— И кого же она боялась?

— Не кого. Чего. — Он вздохнул. — Вы всё равно не поверите.

— А вы попробуйте.

Федотов снял очки, потёр переносицу. Без очков он выглядел моложе и уязвимее. Руки слегка дрожали.

— Тамара была странной. Очень замкнутой. Мы иногда пересекались в курилке, разговаривали. Она жаловалась, что за ней следят.

— Кто?

— Она не знала. Говорила — кто-то ходит за ней от работы до дома. Кто-то роется в её вещах, пока она на смене. Однажды сказала, что нашла в квартире чужую вещь.

— Что именно?

— Часы.

В салоне стало тихо. Фонарь замигал — перегорал.

— Часы, — повторил я.

— Настенные. Дешёвые, японские. Она сказала — не её. Кто-то повесил, пока её не было. Она их сняла, хотела выбросить, но потом повесила обратно. Сказала — пусть думают, что я ничего не заметила.

— Почему вы не рассказали это следователю?

— Потому что меня не спрашивали. — Он пожал плечами. — Я был электриком, а не свидетелем. Меня даже в список не включили, только пометили, что уволился. А когда я сам пришёл в отдел, меня отправили обратно. Сказали — дело ясное, бытовуха, не лезь.

— Дело нераскрытое.

— Я знаю. — Он посмотрел на меня. — Поэтому и вернулся.

— В каком смысле — вернулись?

— Я уехал через месяц после убийства. Испугался, дурак. Думал — если её убрали, то и меня могут. В Новосибирске перебивался случайными заработками, пил почти год. Потом завязал, устроился на нормальную работу. Но всё время думал о Тамаре. И понял: если я не расскажу, никто не расскажет.

— Почему вернулись именно сейчас?

— Срок вышел. — Он криво усмехнулся. — Полтора года прошло. Я думал, дело в архиве, никто не ищет. Решил — приеду, спокойно поживу, может, сам что-то узнаю. А тут вы.

Я включил диктофон.

— Ещё раз. С самого начала. Всё, что она вам говорила.

Федотов кивнул и начал рассказывать.

Тамара Соболева боялась три месяца. С того дня, как в её съёмной квартире появились часы. Она не знала, кто их повесил. Дверь не взламывали, замок был цел. Ключи имелись у хозяина квартиры и у неё самой. Хозяин — пожилой пенсионер, живший у дочери в Тюмени, — по её словам, в

Омск не приезжал.

Часы стали первым знаком. Потом появились другие. Кто-то перекладывал вещи в ящиках — она замечала, потому что всегда клала строго определённым образом. Кто-то оставлял окно приоткрытым. Кто-то стирал историю браузера на её старом ноутбуке. Мелочи, которые спишешь на забывчивость. Но она не списывала.

Она пыталась вычислить преследователя. Установила на телефон приложение-камеру, оставляла его включённым, уходя на работу. Один раз запись зафиксировала движение в квартире — размытый силуэт, неразборчивый. Она показала запись Федотову. Он не смог опознать человека.

— Почему она не пошла в полицию?

— Говорила, что бесполезно. Нет состава. Ничего не украдено, следов взлома нет. Сказали бы — фантазия, переутомление.

— Она не пыталась съехать?

— Пыталась. Искала другую квартиру. Не успела.

Федотов замолчал. Сумка сползла с колен, он подхватил

её, поставил на пол.

— Знаете, что самое страшное? — тихо сказал он. — Когда её убили, часы остались висеть. Я видел фотографии из дела. Их сняли как вещдок. Тот, кто за ней следил, оставил их на стене. Как подпись.

— Или как ловушку.

Он посмотрел на меня. В жёлтом свете фонаря его лицо казалось восковым.

— Думаете, часы подбросили, чтобы запутать?

— Думаю, часы — это сообщение. И мы его пока не прочитали.

Я выключил диктофон. Открыл дверь, вышел, обошёл машину и открыл дверь с его стороны.

— На сегодня всё. Завтра жду в отделе, официальные показания. И фотографию ту принесите, если сохранилась.

— Сохранилась. — Он выбрался из машины. — Следователь сказал — неважно, мусор. А я сохранил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.